

СТРАХ

Человеку, не жившему в эпоху сталинизма, бывает трудно объяснить причины массовых репрессий миллионов ни в чем не повинных, лояльных режиму людей. Но не подлежит сомнению, что одним из результатов сталинизма было целенаправленное насаждение в стране всепроникающего страха, дабы исключить любое проявление недовольства. Запугать людей, чтобы заставить их смириться. Насаждаемый страх убивал самые естественные чувства – сострадание, жалость, человеческое достоинство, калечил души, парализовал волю.

Вера Брусарска (дев. Гальковская) родилась в 1943 года в Эльгене, Магаданской области, где ее мать отбывала заключение в лагере. инженер-строитель, живет в Астрахани.

Ирина Затворницкая - уроженка Харбина (КВЖД), репатриировалась в СССР в 50-х годах. Школьный учитель. Живет в Омске.

Георгий Ковалевский родился в 1928 г. в Брянской области. Из семьи раскулаченных. Работал мастером производственного обучения. Живет в Москве.

Валентина Лысенко родилась в Краснодарском крае в 1928 году. Родители из зажиточных казаков. Отец расстрелян. Рядовой член совхоза. Живет в станице Роговская Краснодарского края.

Мария Микляева родилась в 1923 году в Ворожеской области. Из семьи раскулаченных крестьян. Школьный учитель. Живет в Воронеже.

Леонид Муравник родился в Москве в 1928 г. Сын партийного работника. Отец и мать расстреляны в 1937 г. С 9 лет находился в разных детских домах, неоднократно бежал, беспризорничал. Журналист, живет в Москве.

Алексей Никулин родился в 1931 г. в семье репрессированного священника. Служил в нескольких церквях на территории Кировской области. Живет в городе Кропоткин.

Сусанна Печуро родилась в Москве в 1933 году. Арестована в 1951 году в возрасте 17-ти лет, приговорена к 25-летнему сроку ИТЛ, отбывала в лагерях Инты, Абези и тюремное заключение во Владимирском центре до 1956 года Реабилитирована. Историк-архивист. Живет в Москве.

Мария Севортян (Гиваргизова) родилась в 1928 г. в Ростове-на-Дону. Родители репрессированы, отец расстрелян, мать как ЧСИР отбывала заключение в Акмолинском лагере жен изменников родины. Режиссер научно-популярных фильмов. Живет в Москве.

Нина Смирнова родилась в 1926 году в Воронежской области. Из семьи раскулаченных крестьян. Воспитатель в детском саду. Живет в городе Кропоткин.

Михаил Тамарин (1916-2009) инженер, скрипач, был дважды арестован, находился в лагерях на Колыме и в ссылке в Красноярском крае. Реабилитирован.

Валентина Тиханова - приемная дочь наркома юстиции РСФСР. Отчим и мать расстреляны. Валентина 4 года находилась в детском доме в Днепропетровске. Искусствовед, живет в Москве.

Юрий Фидельгольц родился в Москве в 1927 г. Арестован в 1948 г. по обвинению в создании антисоветской организации. Приговорен к 10 годам ИТЛ, был в лагерях Тайшета и Колымы. Реабилитирован. Инженер-строитель, член Союза писателей. Живет в Москве.

Вера Юльевна Худякова (Геккер) родилась в Потсдаме в 1922 г. В этом же году семья переехала в Советскую Россию. В 1938 году расстрелян отец, арестована мать. Сестер Марселлу, Алису и Веру, студентку музыкального училища, арестовали в сентябре 1942 г. и осудили на 5 лет. Вера отбывала в лагерях в Киргизии, Узбекистане, в Сибири и в Казахстане. Реабилитирована. Преподаватель музыки. Живет в Московской области.

Роза Шовкринская родилась в Дагестане в 1932 году. Отец - член Обкома партии Дагестана, умер в заключении. Сестра Октябрина осуждена на 10 лет лагерей. Учительница начальных классов. Живет в Махачкале.

Ольга Цыбульская родилась в 1935 году в городе Фрунзе, Киргизия. Родители - микробиологи. Отец расстрелян в 1937 г. Мать осуждена как ЧСИР на 8 лет лагерей. Ольга воспитывалась у родственников. Инженер-химик. Живет в Подмосковье.

Брусарска

Из дела я узнала, что у меня была сестра, что у меня был брат. Что брат у меня был годоваленький, и мать была с ним забрата. Сестре было три годика, и она осталась в этой деревне. Многие, когда мы посетили уже, с сестрою встретились и посетили деревню Духовщину, вот этот городок маленький, то

сказали, что трое суток дети плакали после забранья родителей, и что скотина, скот всё не была выгнана, и что никто боялся зайти в дом, чтоб успокоить детей и поговорить. И что потом детей забрало НКВД, приехало.

Ковалевский

Г.К.- Второй брат его – это катастрофа. Кузьма Семенович.

И.О.- Почему катастрофа?

Г.К.- Значит, у него что было, отобрали, что досталось при дележке. Отобрали весь урожай, что было на корню посеяно, все. Он заболел и умер. Это или 32-м или 33-м году, или в 35-м. Он умер, осталось четверо детей, это от двенадцати до годика. И жена повесилась через неделю, кормить нечем. И дети остались без/.

И.О.- Сиротами?

Г.К.- Сиротами. И взять их родственники боялись, было запрещено общаться.

И.О.- И куда они делись, эти дети?

Г.К.- Эти дети там произвольно кто принесет им, даст еду, жили-жили, и так умерли самостоятельно.

И.О.- Все?

Г.К.- Все четверо. Ходили обнаженные, голые, и никто ничего.

Смирнова

Да никаких врагов народа не было! Это уничтожали трудовой народ, крестьян, которые на земле работали и кормили страну. Вот этих уничтожали. Сколько миллионов ведь погибло, сколько уничтожили.

Ради того, чтоб жить, значит, надо было работать на земле и хозяйство водить. Вот такое богатство у нас было. Скот забрали, строение, дом, это все осталось, какие машины, сеялка или веялка, чего там было, без механизмов этих сельскохозяйственных невозможно же тоже ничего сделать. Все позабрали у нас. Ничего нам не оставили. Как стояли, посадили на/ нас и повезли на станцию, а там в вагоны, ну это я уже говорила. Так что рассказывать здорово об этом боялись люди, хоть кто чего и знал.

О тех временах и после войны мы еще боялись разговаривать, а тем более в войну разговаривать и рассказывать, потому что за каждое слово, если только донесли, что-то сказал чего-то там против, да или не против, или посмеялся где-то человек, так забирают и не следа, без суда и следствия. На Колыму – и пропал без вести.

Боялся и Леня даже рассказывать, он перед смертью мне уже и говорит, я тебе секрет расскажу. Какой? А я сын кулака. Я говорю, нашел какой секрет. И я дочка кулака. И давным-давно уже, говорю, все об этом свободно говорят, а ты сейчас еще секрет держишь.

Микляева

Да, ничего не надо говорить. Не дай Бог, узнают и – строго ведь, тридцать седьмой год, а тогда аресты, аресты, аресты без конца были. И виноват, не виноват, и больших людей, кто и политикой занимались, этих брали, и тех, которые не знали, что такое политика, брали. Кулак – значит враг народа, все. Надо арестовать и вновь посадить.

А.К. И так всю жизнь молчали об этом?

М.М. Всю жизнь, всю жизнь.

И вот я все крепилась, крепилась, но все-таки у меня это проскальзывало, вот, и все-таки однажды я заглянула, и одну бумагу видела. Дедушкин брат – Иван Терентьевич, было написано «раскулачен» такой-то, такой-то. Все, и больше я не стала, так у меня было на душе, ну, что ли, ну как сказать, я не хотела вскрывать вот все это, думала; «ладно, перемелется все, все равно мукой все станет». Ну, и вот так.

Ковалевский

И.О.- Ну, а у мамы-то вы спрашивали, мам, а чего отца-то арестовали? Чего он плохого сделал? Она как-нибудь объясняла?

Г.К.- Я не спрашивал, и она не объясняла, и мы боялись об этом говорить.

И.О.- Между собой?

Г.К.- И между собой.

Никулин

Ну, у нас же тут, когда папу забрали, нас из дома выгнали, вот, когда, значит, выгоняли, вот, мама/, старшему брату было 12 лет, а я, конечно, новорожденный/. Мама попросила: дайте, хотя, это, пелёнки перепеленать, никаких даже пелёнок не дали/, всё, всё забрали, всё выгнали, всё, всё/. И вот мама – дай Бог ей Царства Небесного – она с нами, с пятерыми, старшему было 12, я – в пелёнках, и вот она с нами возилась, и как она говорит, пожили на 21-ной квартире только. Где-то кто-то пустит, значит, там узнают: а, там попадью, да ещё с попадьёнком пустила, чтоб завтра же не было. Если не выгонишь, значит/, ты туда пойдешь, где поп, иначе хозяин/, конечно, значит, со слезами, нас увольнял.

Шовкринская

В тридцать шестом году, как началась вот эта вот репрессия, отца посадили.

Этот же вечер мама всё собрала и мы ночью же выехали. В аул, сто восемьдесят километров.

Доехали мы до нашего селения. Конечно, раньше, когда мы приезжали, все встречали, выходили. Ни одна душа. Никто не вышел, ни встречать/. Шофер нам помог, зашли мы домой и все остались дома. Вот так мы приехали в аул.

К нам на похороны, на панихиду, на похороны не давали никому заходить. Сельсовет поставил кругом как охрану, чтоб к нам никто не приходил. Мама и мы, дети, папу оплакивали одни. В колхоз маму не принимали, в школу нас не принимали.

В селении тоже все, конечно, все любили, уважали отца, но все боялись. Друг друга боялись, друг друга боялись. И, когда отца посадили, не/ е могли никто, не могли никто заступиться и не могли никто ни слова сказать. Ни когда сестру посадили, ни когда отца посадили. Было страшное время, страшное время было.

Худякова

Вы знаете, это были такие тяжёлые годы, в смысле обстановки в стране, вот это всё. Я помню, как наша Марселла Юльевна, когда отца арестовали и маму, у неё был психоз, она боялась ареста.

Ночами не могла спать. Каждая машина, если их мало было, но, если уж проедет, ей казалось уже, что сюда приехали. Но просто можно сказать, психически заболела. А когда Сталин умер, за одну минуту болезнь прошла. Буквально за одну минуту. Всё! Как будто этого и не было.

Цибульская

Дом был расположен напротив кладбища. Вот мы стали там жить. Ходили в школу с сестрой по очереди. Сначала в первую смену ходила сестра, приходила, снимала свою обувь, совершенно сырой, сырые сапоги, и эти сапоги сырые одевала я, у нас не было просто обуви, и шла в школу. В школе учились хорошо, хотя бабушка нас просила никогда никому не говорить, где наши родители, как мы в общем оказались здесь, все, и мы молчали. Хотя где-то было унижительно и обидно, и когда я приходила к подругам своим и видела, как они небрежно обращаются к своим родителям, плохо их там обзывают и все, я всегда делала им замечания и говорила: “Если бы вы только знали, как плохо жить без родителей, вы бы никогда себе не позволили вот так разговаривать со своими родителями”.

Муравник

А.К. – А вас не спрашивали, какие родные, кто мама, кто папа, где живешь, откуда?

Л.М. – Нет, это я впоследствии уже впоследствии, когда я куда-то поступал на работу, я писал, раньше же автобиографии писали, это сейчас там по-другому все. Я придумал такую версию, нехорошую, но придумал. Все, все детдомовцы, которые в Бутове, не в Бутове, с которыми, сотнями, все писали вранье. И написал, что отец погиб в гражданскую войну, вот. Потому что он действительно в гражданскую войну кем-то что-то. А мама, мы с мамой потерялись, потерялись. Где потерялись – не помню. Когда я был маленький, мы с мамой потерялись. Вот так я писал, и этого было достаточно, что бы от меня отвязались.

Севортян

Ну, я не помню кто именно. Но, мне все говорили. И тетя Оля сказала: «Тебе же нужно/. Я-то знаю, что в комсомоле нужно, первое, что ты там рассказываешь, свою автобиографию. Кто твой папа, кто твой мама, кто твой/. Это? А у тебя? Никто, кроме тети, никого и нету. Кто твои эти?». Вот этого я и боялась. Я и не поступала, я и не вступала в этот--- в этот комсомол. А потом, когда уже прошел съезд, когда уже всё это самое, тогда уже - всё хорошо, прекрасная маркиза. И я вступила в партию.

Брусарска

Я вам скажу честно, когда я вступала в пионеры, здесь я в первый раз задалась мыслью, что есть какой-то Сталин.

И.О. Так. Так кто это?

В.Р. И когда мне говорили, что/. Я хотела его увидеть, услышать хотела, или хотя бы облик его где-то на фото запечатлен. Газеты мы тогда не получали. И меня привели в «Красный уголок» и показали. Портрет был большой. Я, знаете, как его себе представляла, что это огромный мужчина, гигант, Гулливер, я его представляла. Но я всё думала, потому что Дора Степановна говорила: «Он как Бог. Он всё видит. Он всё знает. Он наши мысли читает». Я думала, наверное, мои мысли тоже. Мне нельзя плохо думать о нём. Понимаете? И вот какая-то, знаете, была ещё страх какой-то. Вот эти усы. И когда кто-то говорил, что он по радио говорит там что-то, я слушала и думала – а он ещё с акцентом же говорил – я думала, почему он так плохо слова выговаривает? Но не на большее. Не хватало на большее.

Печуро

Другое дело было. Вот, национальный вопрос. Ну, что там евреев ненавидели, это само собой. Потому что Кыштым состоял из раскулаченных, но раскулаченные же тоже всякие. Высокие заборы, всё заперто кругом. Вообще никуда не/. И кругом лагеря. И они боялись всех. Они боялись беглых из лагерей. Они ненавидели всех. Они ненавидели советскую власть, а советская власть почему-то ассоциировалась с евреями, но это тоже понятно всё. И бесконечные разговоры: «Вот не было бы этих жидов, так немцы бы на нас не полезли. А вот теперь из-за вас наши мужья там теперь умирают».

Худякова

А в Караганде. А поезд уже был фирменный, первый поезд такой. И он там стоял двадцать минут. И я эти двадцать минут сидела, конечно, в поезде около неё, пока поезд там стоит. И идёт проверка документов опять. Страх ужасный! Ох, какой страх!

Но фамилия-то Геккер немецкая, вот ведь что. Поэтому нам так страшно всегда было.

Затворницкая

А первое время, когда приехала в Омск, мы о том, что мы из Харбина, старались не говорить.

А.К. – Почему?

И.З. – Потому что была слежка. Вот мы приехали в 59-м году. Папа, значит, в 55-м, и ещё...

И ему задавали вопросы. «Вот, кто к вам приехал?» «Так. Дочь приехала» «Что она делает? Она учится или работает? Где она учится? Где она работает? А что зять?» То есть, вот расспрашивали про всю семью. Как будто они без нас этого не знали.

То есть, «Кто к вам из харбинцев приходит? А что вы о них скажете? А что?» Задавали вопросы ещё про другие, про других людей. Так что мы боялись рот раскрывать, что мы из Харбина.

Печуро

Знаете, когда меня арестовали, родители от страху уничтожили все молитвенники бабушкины. Они были старинные, старинные молитвенники. И зачем-то ещё все медные свечи, подсвечники старинные. Что, чего это-то могло быть уликой, я не знаю. Но, я понимаю, что они были в состоянии маловменяемом. Они уничтожали всё подряд.

Они очень боялись, что их возьмут. Всех же взяли. У всех почти взяли родителей. А моих, вот, как-то, вот, обошло. И они договаривались, кто возьмёт маленького брата. Чтобы он не попадал в детдом.

Брусарска

Я так хотела материны письма, чтоб отдали. Я даже сейчас звонила ей Захаровой Вере Ивановне: «Отдай мамины письма». «Ой, да мы всё сожгли. Мы ж боялись всё. Мы всё сожгли».

Затворницкая

Я ещё в школе училась, а закончила я в 54-м. Может быть, в 54-м это письмо и пришло, потому что до смерти Сталина «железный занавес» и ничего.

А.К. – То есть, эти 6 лет вы ничего не знали о судьбе отца?

И.З. – Ничего не знали, конечно.

А.К. – А ходили куда-то в консульство выяснять, где он?

И.З. – Что вы! Что вы! «Враги народа»!

А.К. – Ну, вы же в Китае не знали этих слов.

И.З. – Не знали, но боялись этого консульства как огня. . Первый раз я попала в консульство, когда умер Сталин. Между прочим, была такая ужасная погода в Харбине! Ветер! Дождь хлестал, и вместе с дождём – жёлтая глина.

И вот на другой день или через день нас повели в консульство. Там стоял большой портрет. Вот как раз за эти ворота. СССР – представление о родине. Там стоял большой во весь рост, огромный, портрет Сталина. Около него – очень много цветов, и сильные прожектора электрические, так что вот посмотришь, и от этого резкого света – слёзы на глазах. Ну, конечно, мы не плакали.

Фидельгольц

Вот так вот в то время так были настроены люди, всего боялись, боялись доносов и боялись, прежде всего, боялись больше всего, вот, слова неосторожного, сказанного, вот.

И когда вопрос зашел о смерти Сталина, все, я помню, обсуждали это. Все затаились, боялись сказать лишнего слова, потому что люди ждали худшего. Они думали, что, не дай Бог, что придет еще худший тиран, вот, вместо Сталина, и всех поставят под вышку и всех посекут пулеметной очередью. Что, что сделать было проще простого для воинской команды. Мы страшно боялись этого самоуправства военных, которые по злобе могут, в связи со смертью вождя, сделать что угодно с беззащитными заключенными.

Тамарин

А.К. - Двадцатый съезд вы помните? Двадцатый съезд, доклад Хрущева о Сталине?

М.Т. - Да, я помню.

А.К. - Какое впечатление на вас произвел?

М.Т. - Вы знаете, мы, я не верил, что что-то может быть, да. Я не верил, не верил, да, боялся, что это, не может этого быть. Но когда услышали, вы знаете, ни с кем об этом не говорил, ни с кем, кроме как с Борисом, понимаете, да, да, это было, конечно, для меня это было я же был освобожден из ссылки по амнистии, по амнистии, а тут пятьдесят шестой год, значит, и реабилитация.

Вы знаете, я почувствовал себя немножко человеком, но боялся об этом громко говорить, хотя документы уже исправили мне, дали все льготы, какие положены, ну и потом узнал, что существует такой “Мемориал”.

Смирнова

Так мне там задавали в милиции вопрос – как вы относитесь или относились к советской власти? А я говорю, а как я могу относиться, я другой власти не знала, я в двадцать шестом году рождена, при советской власти. Какая власть была, такой я и довольствовалась. Конечно, радости нам не было от этой власти, чего там говорить, теперь уже можно прямо сказать. Столько пережить, с детства с самого, где мое детство, его не было, была в тридцать четвертом, как начали с тридцатого, голодали, в тридцать третий еще больше придушил, тридцать седьмой – репрессии, забрали и председателя и бухгалтера, колхоз стал разваливаться. А там сорок первый – и война. Мы ж эти все годы еле-еле, стали с колен подниматься к войне, так война придавила, опять голодали.

Ковалевский

Г.К.- Ну, вот почему, а почему вот сейчас я тоже не говорю никому, что я репрессированный? Почему я нигде, беседуя с друзьями, с товарищем, в санатории ли где, в госпитале, я никому не говорю?

И.О.- Почему

Г.К.- Я скрываю.

И.О.- Почему?

Тиханова

Понимаете, я должна сказать. Где-то подспудно страх, какая-то часть страха во мне тоже жила всегда. Потому что, вы же знаете, у меня взрывной характер. У меня такой характер, довольно, ну, такой императивный, да. Я не мягкий человек. Но я себя все эти годы вела очень тихо. Очень тихо.

Лысенко

А.К.: Ну, и здесь, в этом совхозе никто не знал, что вы из раскулаченной семьи?

В.Л.: Мы ездили с братом в ФСБ. Пока я моложе была, ну, расстреляли и расстреляли, что поделаешь, нормально жила и все. А потом когда уже, когда уже года такие, шо уже пошла на пенсию, не спиться – все думаю и думаю - и боюсь ехать в ФСБ. Боюсь и все.

Боялась, боялась, потом уже решила, что буде, поеду и все. Брата уговорила. Брата уговорила, брат помоложе ж. Кажу : «Слава, поехали, узнаем, точно уже убедимся, что он» - потому что в те время, пока моложе я была, я боялась, и уже смирилась с той мыслью, что ничего уже не сделаешь. А потом все так не спиться ночами и беспокоюся ж, ну, перед глазами вин у меня стоит, отец, я ж его тут/, его вообще уважали, не потому что я хочу сказать, что вин мой отец, а уважали как человека его.

И решила, думаю: “Поеду, ну, шо буде, уже старая, посадят – посадят!” [смеется]

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Операторы:

Андрей Костянов

Андрей Купавский

Сергей Миссаров

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© Международный Мемориал 2012